

Глава 13: Птичьи каллиграфии

— И почему это он Шэнь? — с намёком спросил Суй Цзымин.

Пэй Ду поднёс чашку к губам. Краем глаза он заметил, как птенец, изрядно перепачканный, с трудом выбирается из банановой кашицы — его клюв и головка были покрыты липкой мякотью. Уголки губ Пэй Ду едва заметно дрогнули.

— Так, к слову пришлось.

Шэнь Цзюцзю хоть и признался в некоторых вещах, но далеко не во всём. И теперь, когда Пэй Ду вот так внезапно сорвал с него маску, птенец не смел поднять на него взгляд. Его маленькие глазки испуганно метались по сторонам.

Пэй Ду, который прежде всегда был готов протянуть платок в нужный момент, на этот раз оставался невозмутим, не выказывая ни малейшего намерения помочь.

Шэнь Цзюцзю, с головы до ног измазанный в банане, отчаянно подавал знаки хвостом и крыльями, но, так и не дождавшись помощи, принялся кружить по столу в поисках, обо что бы вытереться.

Суй Цзымин не сдержал смешка. Ему хотелось поддразнить первого советника за то, что тот строит козни какой-то пичужке, но он прекрасно знал: если Пэй Ду не желает о чём-то говорить, из него и клещами слова не вытянешь. Поэтому он перешёл к последнему делу, ради которого и пришёл.

— Дом князя-защитника готовится вывезти партию серебра под видом купеческого товара. Полагаю, они инсценируют нападение разбойников, чтобы похитить караван и замести все следы.

После замужества госпожа Чжоу, используя лавки, оставшиеся от Се Цзинтан, тайно проворачивала немало дел для князя У. Очевидно, ни партия князя, ни дом Шэнь не собирались возвращать уже присвоенное серебро.

— Я уже выставил дозор. Как только они покинут город и войдут в горы, я лично поведу людей на перехват! — Суй Цзымин решительно взмахнул рукой. В его молодом и красивом лице читалась отвага.

Шэнь Цзюцзю, усердно вытиравшийся о скатерть, резко повернул голову, его глаза округлились.

«Постой, так вот из-за чего ты погибнешь?!»

Эта тема живо заинтересовала Шэнь Цзюцзю, но Суй Цзымин больше не возвращался к ней, переключившись на обсуждение с Пэй Ду других придворных и военных дел.

Птенец, кое-как очистившись, не сводил с Суй Цзымина взгляда. Тот, в отличие от Пэй Ду, не отличался пронизательностью и не только не понял его немых намёков, но и, воспользовавшись моментом, несколько раз хорошенько взъерошил ему пёрышки.

От такого обращения у Шэнь Цзюцзю едва не потемнело в глазах. Он несколько раз пытался клюнуть обидчика, но Суй Цзымин ловко уворачивался. Вконец рассердившись, птенец юркнул в рукав Пэй Ду и наотрез отказался выходить.

Перед уходом Суй Цзымин долго уговаривал Шэнь Цзюцзю показаться. Наконец, когда тот высунул головку, Суй Цзымин извлёк откуда-то сверкающую вещицу и надел Шэнь Цзюцзю на шею тонкую золотую цепочку. Она была изящной и лёгкой, в самый раз для маленькой птички, а в центре её красовался сапфир размером с ноготок.

Украшение хоть и было миниатюрным, но сияло так ярко, что было очевидно — вещь дорогая.

— Это тебе, Цзюцзю, подарок на знакомство!

— Раз принял подарок, теперь зови меня братом Цзымином, понял?

— А ну-ка, дай лапку.

Суй Цзымин силой взял коготок Шэнь Цзюцзю своим пальцем и потряс, сияя ослепительной и наглой улыбкой.

— Кто взял, тот и попал. Так что больше не заглядывайся на мою драгоценную А Са!

...

Когда Суй Цзымин ушёл, Шэнь Цзюцзю снова стал украдкой поглядывать на Пэй Ду. При воспоминании о том, как тот неожиданно назвал его «Шэнь Цзюцзю», птенец принялся водить хвостом по столу, испытывая странное смущение, словно близкий человек назвал его детским прозвищем.

А ведь его, Шэнь Синэня, в детстве и вправду звали Цзюцзю.

Он уже не помнил, почему мать дала ему такое шумное прозвище, но так его звали больше десяти лет. Даже когда мать сердилась и шлёпала его по рукам, она строго выговаривала: «Шэнь Цзюцзю!».

Однако Пэй Ду не стал допытываться дальше, а лишь протянул птенцу руку.

Шэнь Цзюцзю привычно вспорхнул ему на ладонь. Пока Пэй Ду шёл к переднему двору, птенец с гордостью вытягивал шею и выпячивал грудь, демонстрируя всем встречным свою золотую цепочку.

Вид у него был умный и прелестный.

Ощущая на груди невесомую, но осязаемую тяжесть, Шэнь Цзюцзю взмахнул крыльями и тихонько пискнул. Такое изящное украшение, идеально подходящее по размеру, наверняка не купишь в лавке. Должно быть, Суй Цзымин заказал его специально для него.

Хоть Суй Цзымин и дразнил его, и порой раздражал, но в душе он был... неплохим человеком.

В кабинете Шэнь Цзюцзю был водворён возле тушечницы. Он молча наблюдал, как Пэй Ду одним плавным движением расстелил бумагу и принялся растирать тушь.

Шэнь Цзюцзю склонил голову набок.

Что это он задумал?

Решил перед работой размяться в каллиграфии для вдохновения?

Птенец подпрыгнул и уверенно устроился на пресс-папье.

Пэй Ду пальцем легонько толкнул его обратно к тушечнице.

Шэнь Цзюцзю понял, что притворяться непонимающим страусом больше не выйдет. Понуро опустив хвост, он нехотя подошёл к краю тушечницы и принялся водить по нему лапкой, но окунать её в тушь не спешил.

Птенец-должник пытался уклониться от расплаты.

Хотя в кабинете они были одни, Пэй Ду сидел с безупречно прямой спиной. Однако пальцы его совсем не безупречно тыкали птенца в крыло.

Раз за разом.

Шэнь Цзюцзю прикрыл его руку крылом и жалобно пискнул.

— Тот абак, — ровным голосом произнёс Пэй Ду, — обошёлся мне в сто лянов.

У Шэнь Цзюцзю от ужаса глаза на лоб полезли.

Сто лянов?!

Да это грабёж!

Его самого в своё время продали всего за двадцать! Что это за тёмная лавка, которая наживает восемьдесят лянов на перепродаже?!

В окрестностях Цзиньлина му плодородной земли стоил двадцать лянов. Восемьдесят лянов хватило бы обычной семье из пяти человек на семь-восемь лет безбедной жизни!

Даже с учётом столичных цен, это было невысказано.

И как это цены могли быть высокими для продавца, но не для покупателя?

Эта столярная мастерская — самое настоящее разбойничье логово!

Шэнь Цзюцзю в ярости запрыгал по бумаге, превратившись в пушистый шарик. Ему хотелось немедленно лететь на Западный рынок и исклевать голову хозяина этой лавки.

Пэй Ду, ни словом не обмолвившись, что он и есть владелец той самой «тёмной лавки», расправил измятую птичьими лапками бумагу.

— Не бойся, тема для тебя будет очень простой.

Шэнь Цзюцзю возмущённо пискнул.

Разве он боялся темы?

Он жалел свои лапки!

Люди с руками просто не понимают, как тяжело и мучительно писать птичьими лапками!

Но долг есть долг, и птенец понимал, что от написания эссе ему не отвертеться. В его головке созрел план.

Сначала он поднял свою лапку и примерился к бумаге, а затем с жалобным видом посмотрел на Пэй Ду.

— Цзю-цзю, цзю-цзю-цзю.

Лапки маленькие, будет очень тяжело.

Пэй Ду понимал, что, хотя само эссе и не представляло для птенца сложности, процесс написания без рук и возможности говорить будет мучительным.

Он помолчал и пообещал:

— Я снова возьму тебя на прогулку. Куплю всё, что захочешь.

Но Шэнь Цзюцзю решительно и твёрдо покачал головой.

Пэй Ду прищурился.

Очевидно, птенец не собирался уваливать от работы, но у него были другие требования.

Требования, ради которых он готов был отказаться от прогулок и лакомств.

Пэй Ду предусмотрительно промолчал. Тогда Шэнь Цзюцзю окунул лапку в тушь и начертал на бумаге вертикальную строку.

Написанные быстро и оттого выглядевшие несколько коряво, с несколькими птичьими отпечатками, три иероглифа предстали перед взором Пэй Ду: «Спать в обнимку».

Каждый иероглиф был размером с самого птенца, а рядом стоял он сам, с чернильной лапкой и горящим взглядом. Не заметить это было невозможно.

— ...Почему именно это? — спросил Пэй Ду, искренне не понимая.

Настоящая птица не захотела бы спать с человеком. А человек, будучи человеком, тем более не должен хотеть спать с другим мужчиной.

Шэнь Цзюцзю властно поднял крыло и пискнул пару раз.

— Говори, да или нет!

Пэй Ду долго молчал. Выражение его лица неуловимо менялось, но в конце концов он кивнул.

Шэнь Цзюцзю гордо выпрямился на тушечнице и повелительным взглядом указал Пэй Ду на исписанный лист.

Пэй Ду отложил «птичью каллиграфию» в сторону и постелил перед ним чистый лист.

— Цзю-цзю?

Какая тема?

Пэй Ду, чей взгляд слегка потемнел, произнёс:

— Рассуждение на тему «Школьного образования».

Шэнь Цзюцзю, уже готовый приступить к работе, замер.

Эта тема была ему до боли знакома.

После провинциальных экзаменов следовали столичные. И в тот год Шэнь Синэнь, некогда гениальный цзеюань, сдавший экзамены в пятнадцать лет, показал весьма посредственный результат. Из-за этого он не попал на дворцовые экзамены, а тайные козни дома Шэнь окончательно перекрыли ему путь к чиновничьей карьере.

И тема, названная Пэй Ду, была именно той, что досталась ему на столичных экзаменах.

Шэнь Цзюцзю не обернулся и ничего не спросил. Глубоко вздохнув, он поднял лапку.

За окном сияло солнце, а в кабинете витал лёгкий дымок от курильницы.

На столе Шэнь Цзюцзю усердно, черта за чертой, выводил иероглифы. Пэй Ду некоторое время молча наблюдал за ним.

Сначала, заметив интерес птенца к дому князя-защитника, он заподозрил, что тот как-то с ним связан. Позже, догадавшись о его личности, он попросил Суй Цзымина, который уже занимался расследованием, уделить особое внимание Шэнь Синэню.

Суй Цзымин знал, что птенец утверждал, будто раньше был человеком и ищет Пэй Ду, чтобы отблагодарить его. Когда Пэй Ду попросил его разузнать о Шэнь Синэне, а затем первым получил донесение о его жизни, разрозненные факты сложились в единую картину.

Хотя в истории Шэнь Синэня оставалось немало белых пятен, поведение птенца не оставляло сомнений...

Шэнь Цзюцзю был тем самым Шэнь Синэнем.

Уходя, Суй Цзымин оставил Пэй Ду все собранные сведения. Пробежав их глазами, Пэй Ду обнаружил детали, которые Суй Цзымин намеренно умолчал в присутствии птенца.

Всё то время, что Шэнь Синэнь провёл в столице, он был меж двух огней. Родной отец преследовал его из-за богатств семьи Се. Мачеха, госпожа Чжоу, устроила сложную интригу с экзаменами не только потому, что её собственный сын действительно был уличён в мошенничестве, но и потому, что Шэнь Синэнь постоянно намекал на свою давнюю дружбу с первым советником Пэй Ду. Дом Шэнь и госпожа Чжоу, опасаясь могущественного покровителя, решили таким образом проверить, насколько прочны эти связи.

Но по злой иронии судьбы, в то время Пэй Ду даже не подозревал о существовании Шэнь Синэня.

Пэй Ду прикрыл глаза, подавляя сложные чувства. Он достал из ящика стола небольшой брусок дерева и нож для резьбы и, опустив взгляд, принялся за работу.

...

Эссе было слишком длинным, чтобы написать его за один присест птичьими лапками, поэтому было решено писать его по частям.

Вечером Шэнь Цзюцзю снова забрался в постель. С молчаливого согласия Пэй Ду всё прошло на удивление гладко.

Однако, когда птенец попытался прижаться к нему, Пэй Ду выказал некоторое колебание.

Шэнь Цзюцзю великодушно устроился у края его подушки, намереваясь прибегнуть к своей обычной тактике, как только тот уснёт.

Но стоило ему закрыть глаза, изображая сон, как он почувствовал, что его осторожно подняли и бережно положили на подушку рядом с лицом Пэй Ду.

Шэнь Цзюцзю удивлённо распахнул глаза, но обнаружил, что Пэй Ду лежит с плотно сомкнутыми веками и сжатыми губами.

Он тихонько пискнул и, подвинувшись ближе, потёрся клювиком о его щеку.

Пэй Ду и вправду был его благодетелем.

Таким добрым и великодушным.

«Ты самый лучший на свете!»

<http://bllate.org/book/13669/1210576>